

Лариса Яковенко

*Курортный
романс*

Лариса Яковенко

Курортный романс

«Издательские решения»

Яковенко Л.

Курортный романс / Л. Яковенко — «Издательские решения»,

Ирина Одинцова, собираясь в отпуск, неожиданно для себя купила путевку в санаторий Тригорска, в котором не была много лет. К ней в комнату подселили тезку, симпатичную студентку из Москвы. Та много рассказывала о себе, о папе, и однажды Одинцова поняла, что ее соседка — дочь Кирилла, которого она любила, но так и не смогла простить его измены. Впрочем, встретившись со своей школьной подругой, Ирина узнает, что Кирилл ее не предавал, а во всем виновата она одна.

© Яковенко Л.

© Издательские решения

Курортный романс

Лариса Яковенко

© Лариса Яковенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Николаевна Одинцова всматривалась в пролетающие мимо вагонного окна окраины утреннего города и мучилась одним вопросом, – зачем я сюда еду, зачем? Что за блажь втемяшилась в голову. Еще три дня назад, оформляя отпуск, она позвонила родителям и сообщила об отъезде в Эстонию. Мама тут же перечислила список лекарств, которые нужно взять на всякий случай. А папа, смеясь, добавил, – доченька, не слушай нашего фармацевта, я тебе как врач советую, никаких таблеток, просто отдыхай и радуйся жизни. Сообщи, как добралась и передай Инге Карловне, что мы с мамой приедем к ней в августе.

– Тригорск, Тригорск, – услышала Ирина Николаевна голос проводницы и вышла из купе с дорожной сумкой. В подземном переходе пассажиров встречали таксисты. Выбрав водителя в возрасте и, судя по угрюмому лицу, не слишком разговорчивого, она села в машину, назвала в санаторий и снова задумалась. – И чего меня сюда понесло? Вчера бы улетела в Таллинн, доехала бы на маршрутке до Пирите и уже сегодня бродила бы вдоль побережья Финского залива, вдыхая свежий морской воздух. На завтрак Инга Карловна приготовила бы свой фирменный паштет из печени трески, а на десерт подала бы кофе со взбитыми сливками и яблочное пирожное. Потом, уточнив обеденное меню, деликатно бы удалилась. А что меня здесь ждет? Из-за того, что слишком поздно забронировала путевку по интернету, придется жить в одной комнате с чужой теткой, питаться в санаторной столовой, еще и бегать по разным процедурам. Хотя, их можно сократить до минимума, оставив самые приятные...

– Приехали, – раздался голос водителя. Расплатившись, Ирина Николаевна вышла из машины, огляделась и поморщилась, – здание стандартное, скучное. Правда, кругом зелень, цветы, фонтанчики и альпийские горки, но все равно... В холле ее встретила молодая девушка. Она приветливо поздоровалась и провела в кабинет, который Одинцова покинула уже полноценной курортницей. Войдя в номер, она быстро приняла душ, вышла на балкон, и замерла. Внизу перед ней лежал укрытый зеленью город, а вдаль на фоне голубого неба белела гряда Кавказских гор. – Как же давно я здесь не была... С того самого дня, как похоронили Марочку.

Мариэтта Георгиевна не любила, когда ее называли бабушкой или тетей. При знакомстве представлялась официально, а дома ее звала по имени даже собственная дочь. Однажды маленькая Ира спросила маму, – почему у всех есть бабушки, а у меня нет? Папа тогда рассмеялся, – в нашей семье как в том анекдоте, бабушка есть, а слова такого нет. Марочка совсем не была похожа на соседок-старушек. Всегда подтянутая, хорошо одетая, с неизменным маникюром и перманентом, она не менялась с возрастом. Папа часто шутил, – первое слово, которое произнесла наша Татуся, было Мара. Мама сердилась и говорила, что ребенок в младенческом возрасте не может произнести букву «эр». А он отвечал, – так в наше отсутствие Марочка доченьку специально тренировала. Ира верила папе, но как-то спросила, – это правда?

– Если честно, то сначала ты сказала «мама». Мы стоим возле манежика, умиляемся, а ты как завопишь «мала», «мала». Сначала подумали, что доченька голодная или требует еще игрушек, но тут подошла Марочка, ты засмеялась и протянула к ней ручки. Как только родилась, она пришла к директору театра и сказала, – я увольняюсь, у меня ребенок. Тот опешил, – Мариэтта Георгиевна, у вашей внучки есть папа с мамой, в конце концов, ее можно в ясли отдать, зачем же вам уходить.

– Родители с утра до вечера на работе, ясли нам не подходят, там дети часто болеют, пояснила Мара. А моя Татуся – ангелочек, ей нужен особый уход. Так что подписывайте заявление.

– Пап, ты не сочиняешь про ангелочка? – спросила Ира.

– Борис Семенович мне сам об этом рассказывал. Он категорически не хотел Марочку отпускать. Ты же знаешь, она всю жизнь проработала в костюмерном цехе, у нее безупречный вкус, из ничего могла сотворить платье хоть для Сильвы, хоть для цыганки Азы. Ее очень ценили в театре. В общем, они сошлись на том, что Мара остается в штате в качестве консультанта по костюмам. Она вернулась на прежнее место работы только потому, что любимой Татусе необходимо общение с маленькими детками. И отвела тебя в детский сад.

– Ах, Марочка, как же мне тебя не хватает, – вздохнула Ирина Николаевна. Ее воспоминания прервал робкий стук в дверь.

– Открыто, – крикнула она и увидела на пороге стройную темноглазую девушку лет двадцати. – Не стесняйтесь, проходите, давайте знакомиться, меня зовут Ирина Николаевна, – произнесла Одинцова.

– Вот здорово, значит мы тезки! – воскликнула та и втащила в комнату чемодан на колесиках. Затем сняла легкую курточку и осталась в светлой майке, на которой большими буквами было написано «Привет». Одинцову почему-то умилила эта надпись, она улыбнулась и сказала, – Ира, давайте обустраиваться, я сама только что приехала и еще не успела разобрать вещи.

– Хорошо, только можно я сначала на балкон выйду и посмотрю на город. Когда она вернулась в комнату, Ирина Николаевна встретила ее вопросительным взглядом.

– Красота! «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем...», – засмеялась девушка и еще больше похорошела.

– Кажется, с этой девочкой мне повезло, – подумала Одинцова. Понаблюдав за тем, как та быстро и ловко раскладывает свои вещи, спросила, – Ира, вы, наверное, часто путешествуете?

– Да, мы с папой любим ездить. Только, пожалуйста, говорите мне «ты», так привычнее. У нас на сегодня какие планы?

– Сначала завтрак, правда, мы его уже пропустили, но нас покормят. Потом к врачу, он назначит процедуры и дальше по его списку.

– А если я здорова?

– Тогда зачем приехала в санаторий?

– Папа заставил, – вздохнула девушка. Я сдала сессию досрочно, чтобы до его отпуска по музеям и выставкам побегать. Но не получилось, папе пришлось срочно выехать в командировку на Дальний восток, а потом в Японию. Это надолго, недели на три. Вот он и решил отправить меня сюда. Сказал, что здесь будет режим и никакого интернета.

– Он у тебя такой строгий?

– Просто очень меня любит, и мы редко расстаемся. Вот и беспокоится, где я, с кем, не случилось ли чего. Я его понимаю и стараюсь не огорчать.

– Неужели не ссоритесь?

– Бывает, мы тогда разбегаемся по своим комнатам, но ненадолго. Я упрямее папы, поэтому он первый приходит мириться, постучит ко мне в дверь, просунет голову и говорит, – Ируся, я осознал. А ты? Ой, телефон, это он звонит.

Чтобы не мешать девушке, Одинцова вышла на балкон, попыталась отыскать улицу, где стоял их дом, но так и не сумела. Зато увидела пятиэтажное здание музыкальной школы и слегка улыбнулась. Перед первым классом родители повезли ее на море, а когда вернулись и вошли в квартиру, то остолбенели: в гостиной стояло пианино.

– Татусенька будет учиться в музыкальной школе, – спокойно пояснила Марочка. Инструмент купила недорого у бывшей актрисы оперетты. Настройщик сказал, что он хоть и старый, но звучание очень хорошее.

– Мара, а вдруг у Ирочки нет слуха? – осторожно спросил папа.

– Полгода назад я ее водила к концертмейстеру нашего театра. Алексей Александрович ее прослушал и сказал, что слух у нашей девочки хороший, пальчики тоже, и голосок приятный. С директором школы я уже договорилась, завтра с Татусей пойдем записываться.

– Ты уверена, что доченька хочет заниматься музыкой? – вмешалась мама.

– Ни один нормальный ребенок не любит разучивать гаммы и разные фуги. Зато я знаю, что года через три ей самой понравится играть разные песенки и выступать на концертах.

– Марочка, как всегда, оказалась права, – вздохнула Одинцова и услышала, – Ирина Николаевна, прошу к столу, будем завтракать.

– Ух ты, откуда такая красота? – удивилась та, увидев на журнальном столике тарелки, на которых были аккуратно разложены пирожки, ватрушки, кусочки курицы и небольшая горка нарезанного батона.

– А у меня только кофе в термосе остался, ехала поездом, и все бутерброды съела, – расстроено произнесла Одинцова.

– Кофе-это то, что нам не хватает для полного счастья, – засмеялась девушка. Ешьте пока все тепленькое. Тонечка постаралась, всю ночь готовила, а потом еще и в газеты завернула, чтобы еда не остыла в самолете.

– Тонечка ваша родственница? – спросила Ирина Николаевна.

– Нет, домоуправительница, ее так папа называет. Она из Полтавской области, вся такая пухленькая, уютная, пахнет ванилью и очень смешная. Дома балакает, а с соседями на смеси русского и украинского разговаривает. Папа ее на улице нашел. Вообще-то он у меня военный инженер, подполковник в отставке. Мы с ним служили и на Урале, и в Сибири, и в средней полосе. Потом его бывший сослуживец дядя Леша позвал нас в Москву. Он организовал частную фирму, которая занимается охранными системами и еще чем-то. Папа работает его заместителем.

Ну, вот, когда приехали в столицу, я перешла в седьмой класс. Папа забеспокоился. Мы ведь раньше жили в военных городках, там все знают друг друга, за соседскими детьми женщины присматривали, если надо, то и накормят, и спать уложат. А тут ребенок дома один, неизвестно, что ест-пьет, чем занимается, – засмеялась девушка, – и он решил найти помощницу по хозяйству. Знакомых расспрашивал, в разные фирмы обращался, но все тетки ему не нравились. А однажды вышел из магазина и увидел Тонечку. Она стояла в сторонке, плакала и причитала, – ой, божечко, ой, божечко, шо ж мэни робыты, уси гроши вкралы, як же мэни жыты. Папа к ней подошел, довез до дома, где она жила в коммуналке. Тонечка пригласила его к себе на чай, накормила своими пирожками и рассказала, что полтора года назад приехала в Москву досматривать двоюродную сестру, которая болела. За это та пообещала ей отписать свою комнату в коммуналке. Месяц назад сестра умерла, но появились еще претенденты на жилье и потребовали освободить жилплощадь. В общем, Тонечка была в полной растерянности, а тут еще и деньги украли. Папе она очень понравилась, он быстро все разрулил, помог продать подаренную комнату, открыть счет в банке, и мы стали жить вместе. У нас четырехкомнатная квартира, так что всем места хватило. Как вам пирожки?

– Обалденные, – улыбнулась Одинцова.

– Папа тоже хорошо готовит, особенно мясо. Однажды принялся меня укорять, – Ируся, ты уже большая девочка, а кроме яичницы и жареной картошки ничего не можешь приготовить. Тонечка тут же за меня заступилась и говорит, – Петровычу, – она так папу называет, – нэ хвылюйтэсь, як трэба будэ, так наша дитонька зразу навчиться. Но после этого разговора потихоньку начала меня учить готовить. Когда папа увидел, что я пеку блины, пришел в полный восторг. А один раз мы с ним так смеялись. Приходим домой, Тонечка стоит в прихожей и теребит фартук, уже знаем, что-то случилось. Молча раздеваемся, она повздыхала, потом говорит, – Петровычу, хоч лайтэ мэна, хоч ни, цуцэнятко в нас. У кухни воно. Заходим, возле батареи в коробке на тряпочке лежит кутеночек, головка маленькая, а пузо полное и сопит.

Рядом блюдечко с остатками молока. Папа так серьезно спрашивает, – Антонина Ивановна, где вы откопали это чудо гороховое? А она отвечает, – нэ видкапувала його, воно у нашому двори биля лавочки лэжало. Такэ малэсэнъке, худэсэнъке, та ще й голоднэ.

– Блохи есть? – продолжает папа.

– Та ни, я його помыла шампунью «Коняча сыла», шо мэни Ируся подарувала. Я уже еле сдерживаюсь, но папа не сдаётся. – Имя придумали своему цуцэнятке? Тонечка махнула рукой и говорит, – та хай будэ Фрол. Мы с папой так и покатались со смеху. Щеночек наш вырос и превратился в обычную дворняжку. Я его сначала звала Фроликом, а потом Роликом. Тоня поначалу бурчала, – ну такэ прыдумала, гарну собачку колэсыком обзывать. Потом привыкла, но во дворе всегда кричит, – Фрол, ты куды побиг, вэртайся, а то заблукаеш. Ирина Николаевна, я вас не слишком утомила своей болтовней?

– Что ты, Ирочка, наоборот. Ты так смешно копируешь вашу Тонечку, у нее научилась говорить по-украински?

– Ну, да, мы же вместе живем почти десять лет, а язык не сложный. Когда к нам приходят папины друзья, дядя Леша всегда просит рассказать, что выдала в очередной раз Тонечка. Я ее изображаю, а они хохочут. Ирина Николаевна, когда надо идти к врачу?

– Прямо сейчас.

– Я тогда посуду быстро помою и пойдем. Вы какие процедуры хотите принять?

– Самые приятные и общеукрепляющие: массаж, нарзанные ванны, плавание, ингаляция. Если доктор посоветует еще что-то из этой серии, возражать не буду.

– А можно я с вами? Вы не волнуйтесь, я не буду вам помехой. Просто вдвоем как-то веселее.

– Конечно. Я только позвоню и мы пойдем. Одинцова достала мобильник и набрала номер, – алло, привет, Алечка.

– Ируська, – отозвался родной голос. Ты уже в Пирите?

– А вот и нет, – засмеялась Ирина Николаевна. Не поверишь, я отдыхаю в санатории «Тригорский нарзан». Приехала два часа назад.

– Не может быть! – воскликнула подруга. Вот это радость! Вадим и мальчишки будут в полном восторге. Давай встречаться. Но сегодня не могу, я по пятницам после работы к матери иду. Это надолго, да и настроение у меня будет, сама знаешь какое. Завтра с утра займусь домашними делами, у тебя в это время будут процедуры, а во второй половине дня я вся твоя. В воскресенье устраиваем шашлыки у нас на даче. Ируся, как хорошо, что ты приехала. Все, больше говорить не могу, народ жаждет уколоться. Завтра созвонимся.

Одинцова, сидя в кресле, отдыхала после приема нарзанной ванны и ждала Иру.

– Ну, как тебе? – улыбнулась, увидев девушку, покинувшую свою кабинку.

– Класс! Теперь я понимаю, что такое истома. Лежишь, и от приятности даже извилины выпрямляются.

– Тогда сиди и приходи в себя, у нас еще с тобой ингаляция.

– А что это такое?

– Будешь дышать разными травками, чтобы горло не болело.

– Здорово. Ирина Николаевна, а что мы сегодня будем делать после обеда?

– У тебя есть предложение?

– Да. Давайте пойдем в краеведческий музей.

Одинцова удивленно взглянула на девушку. Та слегка смутилась.

– Если вам не интересно, то не пойдем. Просто я так привыкла. Мы с папой много путешествуем, и куда бы не приезжали, первым делом шли в краеведческий, он ведь в каждом городе есть, ну а потом уже и в другие. Папа говорит, надо знать историю своей страны, а она

собрана в музеях и книгах. Я поэтому и поступила в историко-архивный институт, хочу быть музейщиком.

– Мне почему-то казалось, что это скучная профессия.

– Ну, что вы, это профессия интеллектуалов, только она у нас по-настоящему не оценена. Музейный работник должен во многом разбираться, прежде всего, в истории, искусстве, культуре. И главное, он всегда в поиске, совершает маленькие открытия и приобретает новые знания. Мне нравится учиться.

– Тогда пойдем за знаниями после обеда, – улыбнулась Одинцова и поднялась, – а теперь вперед на ингаляцию.

Совершив экскурсию по залам краеведческого музея, они вышли на улицу.

– Ирочка, здесь рядом парк, прогуляемся?

– С удовольствием. Ой, ларек с мороженым. Может, попробуем?

– Обязательно, должна тебе сказать, что Тригорское мороженое очень вкусное.

– Тогда я пошла, вам какое?

– Шоколадное.

– Я тоже его люблю. Не доставайте кошелек, в следующий раз купите.

Присев на скамейку, Одинцова спросила, – Ира, ты в каком музее хотела бы работать? В историческом?

– Я хочу создать собственный музей и посвятить его нашим соотечественникам, которые жили и работали за рубежом.

– Как же тебе пришла в голову такая идея? – удивилась Ирина Николаевна.

– Во всем виноват Леонардо ди Каприо, – засмеялась девушка. Он мне очень нравится, и я влезла в интернет, чтобы узнать о нем побольше. Когда прочла, что его родную бабушку зовут Елизавета Смирнова, просто обалдела. Ради интереса пробежалась по истории Голливуда. Оказывается, у его истоков стояли русские. Представляете, во всех американских энциклопедиях написано, что выдающиеся кинодеятели братья Иосиф и Николай Шейнкеры, которые в штатах стали Джозефом и Николасом Шенки, родились в Рыбинске Ярославской губернии. Николас создал компанию «Метро-Голдвин-Майер» и тридцать лет просидел в кресле председателя совета директоров. А Джозеф уехал в Лос-Анджелес, где создавался Голливуд, и стал президентом Гильдии продюсеров. Об известных актерах и говорить нечего. О Миле Йовович все знают, а о том, что у Стивена Сигала русские корни-немногие.

– Как папа отнесся к твоей идее?

– Очень понравилась, он теперь в свободное время занимается поиском в интернете инженеров, которые покинули Россию и оставили свой след в других странах. Папа говорит, что многие крупные технические начинания рождались в России, но страна не всегда могла их развить, а чиновники недооценивали свое и переоценивали иностранное.

– Он прав, пример Зворыкина, создателя современного телевидения, уехавшего в США, тому подтверждение, – задумчиво произнесла Одинцова.

– И дядя Леша одобрил мою идею, пообещав, что их фирма станет первым спонсором такого музея. А дядя Боря, он работает в министерстве обороны, сказал, – Ира, если в своем музее ты откроешь зал, посвященный русским воинам, сражавшихся за честь и свободу других стран, то министерство поможет.

– Ирочка, какая же ты умница, – улыбнулась Ирина Николаевна и слегка приобняла девушку за плечи. Ты уже делилась с однокурсниками своей мечтой? Тебе ведь нужны единомышленники и помощники.

– Нет, – вздохнула та. – Мечту можно доверить только друзьям, а у меня среди сверстников их нет. Когда училась в школе, подружки были, но мы ведь постоянно переезжали, вот они и терялись.

– Как же ты отдыхаешь? В ночные клубы ходишь? Молодежь любит там тусоваться.

– Когда поступила в институт, сразу почувствовала себя взрослой и свободной. По субботам бегала с однокурсницами по разным клубам, возвращалась поздно. Тонечка выговаривала, – Петровычу, хйба ж так можно, дытынка за пивнич прыходыть до дому. Папа ее успокаивал, – Тоня, вы же в ее возрасте тоже любили погулять.

– Та як мы там гулялы. По вульци пройдемся, писни постпываемо, з хлопчиком у садочку посыдем, бия хаты постоймо и усэ. А я по телевизору бачила, шо у цих клубах музыка гра, уси прыгають и коктэйли пють. Хто ж знае, шо там у коктэйлях, може самогонка, або наркотик. Папа смеялся, – ничего, наша девочка умненькая, глупостей не наделает, это увлечение у нее скоро пройдет. Он оказался прав, месяца через два, мне вся эта жизнь надоела, потому что скучная и однообразная.

– Мне кажется, папа рисковал, в ночных клубах всякое случается.

– Вы не знаете моего папу, – засмеялась девушка. Во-первых, он требовал, чтобы я докладывала, куда и с кем иду, а во-вторых, кто-то из его друзей за мной присматривал. Я об этом не подозревала, пока случайно не услышала, как он кому-то говорил по телефону, – дежурство отменяется, Ирусе ночная жизнь надоела.

– Обиделась на него?

– Нет, он же беспокоился. Я бы на его месте также поступила.

– Ирочка, а парень у тебя есть?

– Даже не знаю, за мной ухаживает Игорь, он на курс старше, но наши отношения как-то не складываются. Мне хочется с ним что-то обсудить, узнать его точку зрения по какому-то вопросу, да просто поболтать. А он молчит, сопит, и все время лезет целоваться. Я бы с ним давно рассталась, но девчонки из нашей группы от него в восторге: красивый, перспективный, из семьи ученых. Не вздумай его бросать. А вы, как думаете, Ирина Николаевна?

– Я думаю, Ирочка, что всех своих кавалеров ты будешь сравнивать с папой, и они проиграют.

– Ну и ладно. Если не встречу такого как он, обойдусь. Но ребенка рожу. И будем мы все вместе жить-поживать, и добра наживать, – засмеялась девушка.

– Глупенькая ты еще, – вздохнула Одинцова. Ира, я хочу спросить... Но если вопрос тебе не приятен, можешь не отвечать. Где твоя мама?

– Они с папой разошлись, когда мне не было и трех лет. Я у него спрашивала, по какой причине, он ответил, – у слишком разных людей совместная жизнь редко складывается. Ируся, давай больше не будем говорить на эту тему. Вот. А когда я поступила в институт, папа решил устроить праздник на природе. Собрались его друзья, шашлыки жарили, все прилично выпили, особенно дядя Леша и я к нему прицепилась. Говорю, – вы же знали мою маму, какой она была, почему они развелись? Расскажите, я ведь уже взрослая, все пойму. Он и разоткровенничался. Правда утром раскаялся и попросил ничего не говорить о нашем разговоре папе, а то он его убьет. В общем, они оба женились на двух подружках на последнем курсе училища. После его окончания дядя Леша и папа служили под Питером и жили в военном городке, а мама уже была беременной и не поехала туда, осталась на съемной квартире. Когда я родилась, папа был счастлив, назвал меня Иррой и уговаривал маму переехать к нему. Но она под разными предложениями отказывалась, и тогда папа сам приезжал в Питер на субботу-воскресенье, чтобы понянчить доченьку. А однажды появился среди недели и застал маму с другим мужчиной. Он схватил меня в охапку, увез и подал на развод. Суд постановил оставить ребенка с мамой, но папа с ней договорился, что я буду жить с ним. Потом мама вышла замуж то ли за финна, то ли за шведа и уехала из России. Вот такая история.

– Ирочка, ты очень по ней скучала?

– Лет до восьми мне хотелось, чтобы у меня, как и у всех детей была мама. Потом привыкла, я ее совсем не помнила, а с папой нам хорошо. Может, еще по мороженому?

– А как же ужин?

– Не пойдем, попозже у себя в комнате чай попьем с ватрушками и все.
– У нас же чайника нет.
– Я кипяtilьник всегда вожу с собой, и пакетики с чаем тоже.
– Тогда я покупаю молотый кофе, – улыбнулась Одинцова. Мы его будем в термос заливать кипятком и пить по утрам.

– Ирина Николаевна, как вы думаете, бывает любовь одна на всю жизнь? – спросила Ира, запивая чаем ватрушку.

– Бывает, – улыбнулась та.

– А мне что-то в это не верится. Я вот наблюдаю за семьями папиных друзей и не вижу такой любви.

– Потому что еще молода, и круг твоих знакомых пока не велик.

– Да? Может быть. А дядя Леша говорит, что любовь длится не больше семи лет, потом наступает привычка.

– Он специалист в этой области?

– Наверное, у него даже любовница есть.

– А ты откуда знаешь?

– Так я его прикрываю, – засмеялась девушка. Правда, это было только один раз. Дядя Леша симпатичный, веселый, любит приколоться, а его жена злая и ужас, какая завистливая. Если они к нам вместе придут, тетя Валя все комнаты обойдет, на кухню заглянет, потом губы подожмет, – конечно, если в доме есть прислуга, так всегда в нем чистота и порядок. Я однажды не выдержала и говорю, – мы сами свои комнаты убираем, а гостиную, прихожую и места общего пользования вместе. Она отвечает, – так я и поверила. Как-то встретила меня на улице, осмотрела с ног до головы, и опять губы поджала, – Ира, у тебя новая шубка, конечно, папа тебя любит и одевает как королеву. У самой несколько шуб, а я в своей третий сезон бегаю. Я бы от нее через неделю сбежала, так что дядю Лешу не осуждаю.

– Как же ты прикрываешь своего друга?

– Тетя Валя все время его контролирует, проверяет, где он, с кем, куда пошел. Как-то звонит нам на городской телефон и спрашивает, – Ира, Алексей Иванович у вас? Я отвечаю «да», соврала, конечно.

– Тогда позови его к телефону, а то он мне по мобильному не отвечает.

– Я сначала растерялась, а потом сообразила и говорю, – тетя Валя, он с папой так ругается в гостиной, что я боюсь туда заходить. Она и успокоилась. Все знают, когда они спорят, то лучше их не трогать. Однажды тетя Валя позвонила, а я не успела подойти, трубку сняла Тонечка. Слышу, отвечает, – Валя, я його зваты не буду. Воны з Петровычэм пульку розпысують. Я их нэ розумию, таки сурьёзни людыны, а в карты граються як мали диты. Я им зараз чай нэсу. До побачення. Тоня положила трубку, меня увидела и подмигнула. Она у нас хоть и наивная, но если надо, соображает быстро. А дядю Лешу просто обожает. Он, как только к нам приходит, сразу же заглядывает на кухню и начинается, – Тонечка, солнышко, радость наша, я так соскучился. А чем это у вас так вкусно пахнет? Тоня млеет и мечет все на стол. А у дяди Бори жена бизнесом занимается, постоянно в своей фирме пропадает, так они почти не общаются. Живут как соседи по коммуналке. Может, потому что детей нет? Ирина Николаевна, вы могли бы всю жизнь любить одного человека?

– Ну, у тебя и вопросы, Ира. Давай спать, поздно уже. Через пять минут девушка лежала в постели и тихонько сопела, а Одинцова вышла на балкон и внезапно почувствовала знакомый запах. Она опустила голову вниз и увидела дерево, усыпанное белыми гроздьями...

Это был любимый романс Марочки. Она часто просила его сыграть. Ирина садилась за пианино, и они пели: «Целую ночь соловей нам насвистывал, город молчал, и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые ночь напролет нас сводили с ума». А потом его распевала с Кириллом, гуляя по городу...

Она тогда перешла в девятый класс. По такому случаю, они с Марочкой пошли в кафе «Мороженое». Накануне родители переехали в Москву, и никто им не запрещал предаваться маленьким радостям в большом количестве, как говорила Мара. После кафе она сказала, – а теперь, Татуся, пошли окультуриваться. Я видела афишу, в парке на открытой эстраде выступает духовой оркестр, посидим, послушаем. После очередного номера публика захлопала, а ей на колени кто-то бросил ветку акации. Ирина оглянулась и увидела стоящего позади Кирилла. Он улыбнулся, подсел к ним на лавочку и сказал, – привет. Меня зовут Кирилл. Я вас знаю, ты – Ира, а это Мариэтта Георгиевна.

– Молодой человек, я раньше вас не видела в кругу друзей Ирочки, – строго произнесла Марочка.

– Зато теперь будете видеть часто, – засмеялся Кирилл. – Я очень хочу с вами подружиться. Можно мы с Ирой пойдем погуляем?

– Хорошо. Татуся, в десять вечера ты должна быть дома. Надеюсь, юноша тебя проводит.

– Даже не сомневайтесь. И провожу, и в дверь позвоню, и верну девушку в целости и сохранности.

Как только они вышли на аллею, Кирилл сказал, – Ира, дай мне свою руку. Я давно хотел посмотреть на твои пальчики. Они у тебя такие тоненькие и красивые. Ну, надо же, а ногти розовые. Он нежно поцеловал ее ладонь и больше руку не отпускал. А она не чувствовала под собой ног. Еще бы, сам Кирилл Смирнов обратил на нее внимание. Они бродили по вечерним улицам Тригорска, говорили обо всем на свете и восторженно удивлялись тому, что их взгляды и мысли совпадают. Потом Кирилл сказал, – Ируся, мне так не хочется с тобой расставаться, но надо, я обещал. Ровно в десять вечера позвонил в дверь их квартиры. Та быстро открылась, – мадам, передаю вашу Татусю из рук в руки, – произнес Кирилл. Марочка с одобрением в голосе ответила, – люблю обязательных людей. Когда посетите нас в следующий раз?

– Завтра возвращается отец из рейса, я должен его встретить. Так что до послезавтра. Ирка, не вздумай в мое отсутствие назначать кому-то еще свидание. Я соперника не потерплю, так и знай. Кирилл рассмеялся и побежал по лестнице вниз.

– Татусенька, по глазам вижу, что мальчик тебе очень понравился, рассказывай, кто он, откуда, – принялась расспрашивать Марочка. – Я свежий чай заварила, твое любимое печенье испекла. Может, поужинаешь?

– Нет, только чай. Это Кирилл Смирнов, он из нашей школы, перешел в десятый класс. В него все девчонки влюблены по уши, но он ни с кем не встречается. Кирилл хорошо учится, занимается спортом, играет в волейбол и баскетбол, за сборную школы выступает. В нашем ансамбле участвует, у него приятный баритон. Девчонки говорили, что Кирилл живет с отцом, а тот дальнобойщик, возит грузы в Польшу, в Венгрию, поэтому Кирилл всегда одет с иголочки и во все модное. Марочка, по-моему, я влюбилась, – вздохнула Ирина. Он мне сегодня ладонь поцеловал.

– Моя ж ты девочка, – обняла ее та. Так это прекрасно, чего ж ты вздыхаешь.

– Да, он такой красивый...

– Татуся, до писаного красавца Кириллу далеко, но то, что симпатичный – это факт. Он мне тоже понравился, люблю обаятельных нахалов. Фигура хорошая, спортивная, а еще умеет носить одежду. Это уже врожденное. Видела, как на нем костюм сидит?

– Конечно, он весь из себя и такой, и эдакий, не то, что я.

– А ты у нас ангелочек. Такая нежная, тоненькая, прямо воздушная. Соседи тобой любуются, на твою косу до пояса всегда люди засматриваются. И потом ты сама только что сказала,

что Кирилл ни с кем не встречается, а вот на тебя обратил внимание. Даже ладошку поцеловал, ты ее теперь мыть не будешь? И они принялись хохотать.

Кирилл легко и естественно вошел в их жизнь. Мара его обожала, он ей отвечал тем же. Однажды Ирина сказала, – Марочка, Кирилл старше меня всего на год, а мне кажется, что лет на семь или десять. Почему так?

– Кирюша очень основательный, всегда знает, чего хочет, и как этого добиться. При этом порядочный мальчик. В нем сильно мужское начало, он всегда подставит плечо другу, поможет слабому. Его папа молодец, хорошего сына воспитал, еще и мастерить научил.

У Кирилла действительно были золотые руки. Когда появлялся у них дома, то первым делом обходил всю квартиру, а потом говорил, – в ванной плохо проходит вода, будем чистить. Или, – в комнате Иры тугая дверная ручка, будем ремонтировать. И тут же принимался за дело. Марочка как-то пожаловалась, – Кирюша, моя швейная машинка совсем забарахлила, а Иван Трофимович, который ее всегда ремонтировал, старый стал, глаза плохо видят. Ты не знаешь, где можно найти хорошего мастера? Мне без машинки никак нельзя. Надо срочно сшить театральный костюм к премьере, а тут такая беда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.